

Л. Д. Демидова

О предисловиях к «Христианопасному щиту веры...» инока Авраамия

Предисловия были важным элементом для древнерусского автора, пишущего оригинальное сочинение или составляющего сборник. В них помещались рассуждения о пользе книги, информация об авторе, а также давалась характеристика содержания с указанием основных идей, раскрытию которых посвящалось сочинение или сборник. Из рукописной традиции жанр предисловия перешел в печатные издания. В них предисловия являлись обязательным элементом текста с устойчивой структурой, своими характерными заглавными и концовками. В украинских и белорусских изданиях жанр предисловия, влившись в европейскую традицию, получил окончательное литературное оформление и приобрел новые типологические черты¹.

Примером переноса на русскую почву этой традиции может служить московское издание «Книги о вере» (1648 г.). В ней мы находим несколько предисловий. Открывается она молитвой «Вседержителю всех Царю...», к которой примыкают цитаты из Евангелия (Ин. 8:12, 63; 12:48) и апостольских посланий. Затем следует первое прозаическое «Предисловие читателю» и небольшое обращение автора к читателю с просьбой молиться о прощении его грехов. Далее, после оглавления, – стихотворное предисловие «Стихи, или вирши к читателю». И, наконец, – «Ино предисловие к читателю» – второе прозаическое предисловие, которое предваряется еще одним обращением автора, содержащим просьбу не упрекать его в многословии. Тематика всех этих предисловий, по сути, является одной и той же, что обусловлено общими задачами, которые ставит в них автор. По замечанию Л. И. Сазоновой, «повторение информации, содержания, одинаковых идей в разных планах выражения – прозаическом и стихотворном – можно объяснить обостренным чувством формы у украинских книжников, стремлением использовать слово не только в его интеллектуально-коммуникативной функции, но и в поэтической»².

Традиция составления предисловий, обнаруживаемая в книгах украинской и белорусской печати, позже была воспринята старообрядцами и нашла отражение в рукописных старообрядческих сборниках. Оставаясь в рамках сложившейся литературной традиции, старообрядцы стремились придать заимствованным

¹ Об этом подробнее см.: *Сазонова Л. И.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (борьба за национальное единство) // *Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.)*. Тематика и стилистика предисловий. М., 1981. С. 131. *Она же.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Там же. С. 154–155.

² *Сазонова Л. И.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы). С. 184.

текстам новый смысл, чтобы использовать их в полемике с официальной церковью. Это хорошо заметно уже в одном из ранних старообрядческих сборников (1667–1669 гг.) – «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения», составителем которого являлся инок Авраамий¹. Анализу предисловий, выяснению их функций в составе данного сборника и посвящена данная работа.

В «Христианоопасном щите веры...» мы находим четыре предисловия: два прозаических и два стихотворных. Они расположены в следующем порядке. Открывает сборник прозаическое «Предисловие к читателю православному, содержащее ответы противу хулениям на святых русских». Затем следует первое стихотворное предисловие «Стихи, или вирши к читателю». После помещено небольшое прозаическое обращение с подзаголовком «Ино предисловие к читателю верному». Оно предваряет второе стихотворное предисловие, озаглавленное как «Стихи, или вирши к читателю. Всякого чина православных к читателю». «Ино предисловие, сказующее вкратце силу книги сея» – второе заключительное прозаическое предисловие.

Кроме того, первая глава «Христианоопасного щита веры...» «О преизряднейших правоверных сложениях» (то есть основаниях, установлениях)² справедливо названа Н. И. Субботиным «новым предисловием к сборнику». Исследователь ссылается на следующее имеющееся в ней рассуждение Авраамия «...предисловное сказание не обыче долгих извождений вмещати»³. Следовательно, составитель сборника предполагал, что первая глава будет выполнять функцию вводной.

А. М. Панченко, которого инок Авраамий интересовал не только как юридивый, но и как поэт – представитель «приказной школы стихотворства»⁴, подробно проанализировал стихотворные предисловия к сборнику. Он показал, что первое стихотворное предисловие представляет собой компиляцию из «Кирилловой книги», а второе – вирши из «Книги о вере», заимствованные практически полностью, опущены только два последних стиха, на что исследователь обратил внимание⁵.

¹ Общую характеристику сборника и его списков см.: *Материалы для истории раскола за первое время его существования*. М., 1885. Т. VII. С. X. В данной работе все ссылки на «Христианоопасный щит веры...» приводятся по списку: ГИМ, Синодальное собр., № 641 (II половина XVII в.), который считается основным.

² В оглавлении сборника название этой главы другое – «О непорочной христианской вере».

³ *Материалы для истории раскола за первое время его существования*. Т. VII. С. XV.

⁴ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 82–102.

⁵ Там же. С. 99. Две опущенные Авраамием строки: «В день же страшный сподоби нас одесную Тебе стати / и со святыми ангелы Твоими во веки тебе прославляти». Сложно сказать, почему Авраамий их исключил, можно лишь предположить, что он счел их снижающими общую драматическую напряженность и публицистический строй текста, так как они переводят время действия из «лпрых последних времен», насыщенных эсхатологическими ожиданиями, в ситуацию завершения истории – Страшного суда и окончательного определения участи праведников.

Сам факт заимствования представляет собой явление вполне традиционное: вирши из «Книги о вере» в свое время также были заимствованы вторым из стихов Герасима Смотрицкого, помещенных в Острожской Библии¹. Исследователями не раз подчеркивался факт «кочующих» из предисловия в предисловие мотивов, образов и тем². Важным здесь представляется то, каким образом составитель работал с исходным материалом. О разнообразии редакторских приемов свидетельствуют не только стихотворные, но и прозаические предисловия «Христианоопасного щита веры...». Попытаемся показать это, обратив внимание на фрагменты, заимствованные Авраамием из прозаических предисловий к «Книге о вере». Компилятивный характер носят прозаическое обращение перед вторым стихотворным предисловием и первая глава «Христианоопасного щита веры...», к рассмотрению которых мы и обратимся.

Второе стихотворное предисловие из «Христианоопасного щита веры...» предваряется прозаическим обращением автора к читателю. Его название заимствовано из «Книги о вере», но с добавлением слова «верному»: «Ино предисловие к читателю верному»³. Это предисловие представляет собой комбинацию двух обращений автора «Книги о вере», одно из которых, как было замечено выше, находится в ней после первого предисловия, а второе предваряет второе предисловие. Авраамий практически дословно заимствовал их, но поменял порядок. В результате получился цельный текст, в котором автор, именуя себя «многогрешным, окаянным и страстным», просит у читателя простить его за многословие и молиться о спасении его души: «Возлюбленне, молю любовь твою, не укори моего окаянства, яко от усердия по благочестию второе предисловие двоестрочное зде предложих по правоверии усердствующим. А о прощении согрешениих при конце книги сея имам молити господних истинных рабов. Недостойного небу и земли имя неполезно писати, точию многогрешный, окаянный и страстный»⁴. Здесь Авраамий, безусловно, отдает дань традиции – использование готовых формул помогало ему кратко и емко выразить свою мысль, а текст своей традиционной узнаваемостью призван был создать атмосферу доверия между автором-составителем и читателем.

Совсем иначе Авраамий использовал текст предисловий из «Книги о вере», характеризуя содержание и тематику сборника. Более сложную работу и разнообразие приемов он продемонстрировал в первой главе сборника, которая, как было замечено выше, также выполняет функцию предисловия.

¹ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. С. 99.

² Сазонова Л. И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы). С. 158; *Rothe H. Zur Kieve Literatur in Moskau II // Slavistische Studien zum IX Internationalen Slavistencongress in Kiev 1983. Köln, 1983. S. 426–429.*

³ ГИМ. Синодальное собр. № 641. Л. 4.

⁴ ГИМ. Синодальное собр. № 641. Л. 4–4 об. Ср.: Книга о вере. Л. 5 об., 8.

Авраамий начинает ее с цитат из книг ветхозаветных пророков, обозначив указания на соответствующие главы¹. В первой из них содержится призыв не слушать лживых пророков, во второй обличаются иудейские священники, извратившие смысл своего служения. Цитаты продолжены фрагментами двух церковных песнопений, которые представляют собой молитвенное прошение об утверждении в правой вере². Эти цитаты, тщательно отобранные Авраамием, выражали особо важные для него положения и задавали тон всей главе, обозначая темы, которые затем будут в ней развиты более подробно.

После этого Авраамий включает два фрагмента из предисловий к «Книге о вере». Вначале – молитву «Вседержителю всех Царю...» с примыкающими к ней цитатами из Евангелия и апостольских посланий³. Этот фрагмент воспроизведен дословно. Затем без всякого заголовка следует первое предисловие из «Книги о вере»⁴, текст которого присоединен к молитве. Он подвергся серьезной переработке. При этом Авраамий применил разнообразные приемы редакторской правки.

Чаще всего он пропускал те фразы, которые по тем или иным причинам его не устраивали. Например, он исключил довольно большой фрагмент, содержащий сведения о личности и обстоятельствах жизни автора «Книги о вере»: «Всем хотя подвигнуться с болезновах, яко вещи велицей, ума нищетою одержим, касаюся. Ниже риторики навьк, ниже философии учився когда, но на единого всемогущего Бога надежду возложив, могущего и немудря умудрить... От сих причин благоволих, малейшую часть о благочестии и правоверии книжицу сию написати, прегрешений бо ради моих, иже в школах латинских от езуитов в мале не прелщен бых. Яко да сие малым сим трудом исправлю, еще же и братии ради со мною пребывающих...»⁵. Естественно, что Авраамий не мог применить эту яркую характеристику личности и конкретных биографических сведений к себе. Закрывающую этот фрагмент цитату из преп. Иоанна Лествичника о необходимости сохранить и передать потомкам благочестивую веру, в виду ее важности для выражения своих мыслей, Авраамий оставил. Будучи извлеченной из контекста, она, таким образом, обрела более четкий вид.

В других случаях Авраамий в большей или меньшей степени редактировал текст, заменяя одни словосочетания или целые фразы другими, при необходимости дописывая их в нужном ключе. Ярким примером является фрагмент предисловия из «Книги о вере», в котором обнаруживали себя южнорусские реалии. Сравним оригинальный текст и

¹ Иер. 23, 16 и Мал. 2, 4–8.

² Ирмосы 3 песни канонов Октоиха, глас 4 и 1 соответственно.

³ Ср.: Книга о вере. Л. 1–1 об.

⁴ Ср.: Там же. Л. 2–5.

⁵ Там же. Л. 2.

соответствующий фрагмент из «Христианоопасного щита веры...»:

«Книга о вере»

Л. 2: «... Христос Господь рече: внидут волцы тяжцы в вас, нещадающие стада. И скончася един, восста другой, на бедных иноков вину полагая, яко развращают».

«ХЩВ» (ГИМ, Синодальное собр. № 641)

Л. 7–7 об.: «Христос Господь рече: внидут волцы тяжцы в вас, нещадающие стада. И скончася един, восста другой. И вину полагая на святых угодников Божиих и чудесы прославленных якобы они не исправили закона и неправу веровали. Ей, праву и благочестиве! Свидетельствуют бо чудеса их».

В предисловии из «Книги о вере», под «бедными иноками», очевидно, подразумевались члены православных братств, которых сторонники унии обвиняли в развращении верующих. Авраамий, заменив словосочетание «бедных иноков» на «святых угодников Божиих и чудесы прославленных», сначала перевел рассуждение в общий план, но затем, полностью изменив окончание фразы, конкретизировал ситуацию, описав состояние дел в Русской Православной Церкви в конце 1660-х годов. Он уточнил, в чем же именно обвиняются «святые Божии угодники»: «...якобы они не исправили закона и неправу веровали». Впечатление усилено внесением эмоционального элемента – восклицания: «Ей, праву и благочестиве!», после которого в качестве констатации несправедливости обвинения и в качестве контраргумента следует утверждение: «Свидетельствуют бо чудеса их».

«Святые угодники Божии», разумеется, должны были быть авторитетом не только для старообрядцев, но и для сторонников Никона. Таким образом, Авраамий использует здесь следующее логическое рассуждение: если чудеса «угодников Божиих» являются доказательством их святости и правой, благочестивой веры, следовательно, обвинения в неправоте веры, на них возложенные (которые Авраамий приписывает сторонникам реформ), являются ложными. В результате внесения в текст небольших коррективов получалось, что настоящая вина лежит на сторонниках Никона, к которым применен библейский образ «лютых волков, не щадящих стада». По своей тематике и обличительному характеру этот фрагмент, начинающийся с цитаты из Нового завета¹, образует смысловую параллель с цитатами из Ветхого завета, которыми Авраамий начал главу.

Далее, следуя за текстом предисловия «Книги о вере», Авраамий обозначает тему «антихристово царства», которая развивается в ряде материалов сборника. Этот фрагмент в «Книге о вере» выглядит следующим образом: «Но аз на свою хулу и гордыню анафему полагаяю, известно ведая, яко время последнее, антихристово царство распространяется и сам скоро явится. И ныне уже, по святому апостолу Иоанну мнози антихри-

¹ Деян. 20: 29.

сти суть ...»¹. Авраамий опустил первую часть фразы, оставив только ее основной смысловой фрагмент, содержащий авторитетную ссылку на изречение апостола: «Время последнее, антихристово царство распространяется и сам скоро явится. И ныне уже, по святому апостолу Иоанну мнози антихристи суть»². Таким образом, этому весьма важному для идеологии старообрядчества положению Авраамий намеренно постарался придать объективный характер, превратив его из частного высказывания в непреложное утверждение. Изменениям подвергся и конец первого предисловия из «Книги о вере»:

«Книга о вере»

Л. 4: «... яко в настоящая сия времена последняя по грехом нерадения нашего велик пламень злехитренных и многоглавных ересей разгореся. От сего мнози от правоверия в зловерие укланяются, видящее кую бурю облажащую на нас, ругателей различных, многохульных супостатов. И сие им дерзновение от неискusstва нашего и неутверждения...».

«ХИЩВ» (ГИМ, Синодальное собр. № 641)

Л. 9: «... яко в настоящая сия времена последняя велик пламень злехитренных и многоглавных ересей разгореся. От сего мнози видя смущение и толикую бурю облажащую на нас, ругателей различных, многохульных супостатов. И сие им дерзновение от неприязни, от неискusstва и неутверждения».

Авраамий убрал некоторые слова и выражения, не соответствующие обличительной направленности текста: опущена самоуничижительная формулировка («по грехом нерадения нашего»), характеристика, которую дал автор «Книги о вере» сторонникам «правоверия», у Авраамия поменяла адресата. Вследствие этого полностью изменился смысл фрагмента, который приобрел большую полемическую заостренность. Автор «Книги о вере» подчеркивал, что «дерзновение» (смелость) противника происходит от «неискusstва *нашего* и неутверждения», то есть шаткости в вере самих православных, а Авраамий, пропустив слово «нашего», объясняет «дерзновение» противника *его собственным* «неискusstвом и неутверждением», прибавляя к этим характеристикам еще и «неприязнь» – очевидно, к сторонникам старого обряда.

По-видимому, Авраамию показалась неуместной и следующая далее в «Книге о вере» интерпретация цитат из апостольских посланий, содержащая упрек в нерадении о правой вере: «...яко неготов имамы меч духовный, (по апостолу), еже есть глагол Божий. И не поучаемся, ни тщимся, по верховному готовы быти присно к ответу вопрошающему нас»³. Горькая констатация автора «Книги о вере» того факта, что некоторые православные не знают основ веры, которая отсылала к южнорусским реалиям (намек на теснившее

¹ Книга о вере. Л. 3.

² ГИМ. Синодальное собр. № 641. Л. 7 об.

³ Книга о вере. Л. 4 об. Источник цитат: Еф. 6, 17, и 1 Пет. 3, 15.

православие униатство): «неции не сведят, в чем православнии от падших разнствуем»¹ – также была опущена. Авраамий, назвав главу «О преизряднейших правоверных сложениях», тем самым, напротив, утверждал, что сторонники старого обряда являются защитниками и осознанными хранителями основ православной веры.

Этот фрагмент достаточно ярко свидетельствует о том, какую позицию Авраамий занимал в полемике со своими идейными противниками, какой видел в создавшейся ситуации роль защитников реформ. Там, где дело касалось только его личности (в прозаическом обращении к читателю перед вторым стихотворным предисловием «Христианоопасного щита веры...») он говорил языком традиционных самоуничижительных эпитетов, но когда речь зашла о сторонниках старого обряда в целом, предпочел убрать из заимствованного текста негативные характеристики, чтобы у читателя не возник соблазн хотя бы в малой степени приписать старообрядцам вину за произошедшие «смущение и бурю». По мысли Авраамия, ответственность за церковный раскол целиком была возложена на сторонников Никона.

Проанализировав методы редакторской правки Авраамия, обусловленные целями составления сборника, отметим и тот факт, что в тех случаях, когда мысль, которую хотел донести до читателя Авраамий была, с его точки зрения, безусловно сформулирована автором в предисловии из «Книги о вере», он оставлял этот текст без каких-либо изменений. Ярким примером этого может служить так называемая «похвала славянскому языку», в которой Авраамий изменил только одно слово («от наших» на «ныне»): «Мнози же и *от наших*, гордостию превознесшееся, языком словенским гнушаются, в нем же крестися и сподобишася благодати Божия. Иже широк и великославен, совокупителен и умилен, и паче простого и ляцкого обретається. И имеет в себе велию похвалу не токмо от писаний богословских и песней церковных, з греческого им переведенных, но и от Божественныя литургии и иных Таин, иже богоугодным тем языком в великой и малой Руси, в сербах и болгарех, и по иным странам действуются»². В условиях, когда сторонники старого обряда подчеркивали важность древнерусской книжной традиции, этот фрагмент для Авраамия, очевидно, приобретал особую значимость.

Предисловия из «Книги о вере», несомненно, явились для Авраамия своего рода «образцом жанра» – из них он заимствовал материал для составления своих текстов, переосмысляя его, оттачивал формулировки собственных мыслей. Однако его работа не носила характера простого копирования, Авраамий переработал предисловия из «Книги о вере» в соответствии с теми полемическими задачами, которые стояли в это время перед старообрядцами. Умелой редакторской правкой ему удалось актуализировать текст, написанный в совершенно иных исторических условиях, придать ему критическую и обличительную направленность. Соблюдая жанровый канон, заимствуя цитаты и образы,

¹ Книга о вере. Л. 4 об.

² Там же. Л. 3–3 об.

он зачастую наполнял текст новым содержанием. При этом личность составителя подверглась некоторой нивелировке, так как Авраамий, опуская фрагмент предисловия из «Книги о вере», содержащий сведения об авторе, не привел никаких сведений о себе. Однако это, по-видимому, обусловлено не столько смирением Авраамия, сколько тем обстоятельством, что он стремился придать тексту объективный характер, отсекая те детали, которые не относятся непосредственно к его теме. Ряд мыслей, высказанных в предисловии «Книги о вере», будучи изъятым из контекста, обрел более четкий вид.

Проведенное сравнение текстов является дополнительным аргументом в пользу установления авторства первой главы «Христианоопасного щита веры...»¹, однако позволяет внести ряд необходимых уточнений. Очевидно, во-первых, что она не является авторской в полном смысле слова, так как представляет собой компиляцию. Во-вторых, ясно виден творческий метод Авраамия, который стремился придать изложению не только строгую логичность, но и стилистическую однородность: в прозаическом обращении перед вторым стихотворным предисловием он свел воедино традиционные формулировки, призванные характеризовать личность писателя и его отношение к своему труду, в первой главе заимствованные цитаты Нового завета получили прообразовательные параллели в цитатах из Ветхого завета, добавленных Авраамием по своему усмотрению. Мысль «Книги о вере» о том, что необходимо «о истинне (так в источнике – Л. Д.) пецися или умрети ея ради, да жив будещи вовеки»², проступает и в тексте приведенных Авраамием церковных песнопений.

Практика Авраамия не была явлением единичным. Так, Геронтий Соловецкий, работая над составлением сборника (РГБ, ф. 98, № 706)³, также привлек материал первого предисловия «Книги о вере», однако воспроизвел его дословно, оставив даже те фрагменты, которые свидетельствовали о южно-русском происхождении текста⁴. Авраамий, как было показано, пошел по пути авторской переработки, в ходе которой ясно обозначилась цель сборника – защита благочестивой веры от посягательств со стороны сторонников церковных реформ, и его назначение: тексты, вошедшие в «Христианоопасный щит веры...», должны были стать и орудием обличения противников, и орудием убеждения.

¹ Этот вопрос является дискуссионным. Н. И. Субботин приписал авторство 1-й главы Авраамию, см.: *Материалы для истории раскола за первое время его существования*. Т. VII. С. X (сноска 1). Н. Ю. Бубнов придерживается точки зрения, что текст принадлежит дьякону Федору: *Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 64–65.

² *Книга о вере*. Л. 4. Ср.: ГИМ. Синодальное собр. № 641. Л. 8 об.

³ Сборник введен в научный оборот О. В. Чумичевой.

⁴ *Гурьянова Н. С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007. С. 114.